

Пол Теру
По рельсам,
поперек континентов

Paulsen

МОСКВА 2008

Я запомнил мистера Даффила, потому что его имя стало глаголом – сначала в устах Молсуорта, а потом и в моих. Он стоял прямо передо мной в очереди на вокзале Виктория – седьмая платформа, «Отправление поездов на континент». Это был старик в одежде не по росту: либо, собираясь в дорогу второпях, напялил первое, что подвернулось под руку, либо только что вышел из больницы. Шел он, наступая на свои длиннющие брючины, разлохмачивая их об асфальт; в руках нес множество бумажных свертков странной формы, перетянутых шпагатом, – багаж, подходящий скорее незадачливому террористу, чем отважному путешественнику. Ветер, поддувавший со стороны путей, развевал прикрепленные к сверткам бирки. На каждой значилось его имя (Р. Даффил) и адрес («Отель «Сплендид-Палас», Стамбул»). Значит, попутчик. Карикатурная вдова в строгой шляпке с вуалью обрадовала бы меня больше, особенно будь при ней туго набитый – джин да наследство – саквояж. Но вдов не было: только туристы с походными рюкзаками, континентальные гости города, возвращающиеся домой с фирменными пакетами универмага «Харродз», коммивояжеры, молодые француженки с насупленными друзьями да седовласые английские парочки – в последних я заподозрил тайных любовников, которые, прихватив с собой чемоданы книг, смываются в чужие края ради дорогостоящего адюльтера, разыгрываемого строго по литературным рецептам. Никто из них не едет дальше Люблины, но Даффил двинул в Стамбул – интересно, под каким предлогом. Вот я, например, просто дал деру. Своих планов не афиширую. На службу мне ходить не надо – ни одна душа не заметит, что я куда-то запропал. А я поцеловал жену и один, без спутников, укатил экспрессом, который отходит в 15.30.

Громыхая и лязгая, поезд неся через Клапэм. Я сделал для себя вывод, что путешествие – побег напополам с погоней, но к тому моменту, когда мы оставили позади пригороды Южного Лондона (угольные склады, стоящие плечом

к плечу кирпичные дома, крохотные садики на задворках) – и миновали спортивную площадку Далвичского колледжа – мальчишки в школьных галстуках лениво делали гимнастику, – приноровился к стуку колес и позабыл о газетных заголовках, которые попадались мне на глаза все утро: «ДЕЛО МАЛЫШКИ КРИСТЕН: ПОДОЗРЕВАЕТСЯ ЖЕНЩИНА» и «9-ЛЕТНЮЮ ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ РАНИЛА СВЕРСТНИЦУ, МОГУТ ВЫПУСТИТЬ?». Весть «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРОЗАЙКА» никуда не попала – да оно и к лучшему. Потом, миновав ряд коттеджей на две семьи, мы въехали в туннель и спустя минуту крошечной тьмы выскочили, словно по волшебству, в новый мир: широкие луга, коровы щиплют траву, фермеры в синих куртках укладывают сено в скирды. Мы выбрались из Лондона – серого промозглого города, уютящегося где-то под землей.

Северноукс: еще один туннель, а после еще одна мимо-летняя пастораль: в полях лошади бьют копытами, несколько овец, стоящих словно бы на карачках, хмелесушилка, на которой сидят вороны, – все это в одном из окон сменилось рядами типовых коттеджей. Зато с той стороны рельсов – крестьянская усадьба в якобитском стиле и еще коровы. Такова Англия: между фермами вклиниваются пригороды. Переезд со шлагбаумом, и еще один, и еще: на дорогах скопились вереницы машин, пробки чуть ли не на сто ярдов. Пассажиры поезда поглядывали на заторы злорадно, чуть ли не бурча под нос: «Так вам и надо, мы едем, а вы стойте!».

Небо, простиравшееся над нами, выглядело старинным-старинным. На платформе в Тонбридже самодовольно ухмылялись школьники в темно-синих блейзерах и сползающих гольфах, с портфелями и крикетными битами. Мы пронеслись мимо, увозя их ухмылки. Остановок мы не делали, даже на крупных станциях, которые я, сутулясь, разглядывал из окна вагона-ресторана, меж тем как чай в моем картонном стакане колыхался, перехлестывая через край, а мистер Даффил, тоже нахохлившись, не спускал глаз со своих свертков и помешивал чай докторским шпателем. У него был встревоженный вид человека, который не может

вспомнить, где позабыл свои вещи, или – это то же самое – человека, который уверен, что за ним следят. Мешковатая одежда подчеркивала его хрупкость. Серый, мышинного цвета габардиновый плащ – точно из гардероба великана, как и разлохмаченные брюки – широкими складками ниспадал с плеч; из длинных рукавов торчали лишь кончики пальцев. Пахло от Даффила заплесневелым черствым хлебом. Он не снимал твидовой кепки и, как и я, боролся с простудой. Обувь на нем была занятная – универсальные деревянные башмаки, хоть в пир, хоть в мир. По его выговору (он спросил у бармена стакан сидра) я не смог определить, откуда он родом, но, помимо ботинок, в нем было еще кое-что провинциальное: практичный наряд, казавшийся бы на лондонце нищенскими лохмотьями, тут свидетельствовал лишь о рачительности, возведенной в жизненный принцип. Только спроси – и он охотно расскажет, где купил эту кепку и плащ, и по какой цене, и сколько уж лет нет сносу этим ботинкам. Спустя несколько минут я прошел мимо него, сидящего в уголке салона-вагона, и заметил, что он распотрошил один из своих свертков. Перед ним были разложены нож, французский багет, тубик горчицы и алые кружочки копченой колбасы. Погруженный в свои мысли, он медленно жевал сандвич.

На Гар-дю-Нор мой вагон прицепили к другому локомотиву. Мы с Даффилем наблюдали за этой процедурой с платформы, а затем снова вошли в вагон. По ступенькам он взбирался долго, в тамбуре остановился, тяжело дыша. Стоял себе и пыхтел, а нас тем временем повлекли прочь и двадцать минут везли по Парижу на Лионский вокзал, где этот сидячий вагон прицепили к остальному «Прямому Восточному экспрессу». Шел двенадцатый час ночи, и почти все кварталы были погружены во тьму.

На перроне у «Прямого Восточного экспреса» Даффил надел очки в железной металлической оправе, со стеклами, так и сяк заклеенными скотчем – Голубую мечеть он сквозь них точно не увидит. Собрав в кучу свертки, он с кряхтением извлек откуда-то чемодан, перетянутый несколькими кожаными и парусиновыми ремнями, чтобы, не дай бог, не раскрылся. Мы пошли по платформе в поисках

своих спальных вагонов и через несколько минут вновь повстречались у таблички на боку одного из них: «Прямой Восточный», а ниже маршрут «Париж–Лозанна–Милан–Триест–Загреб–Белград–София–Стамбул». Мы замерли, уставившись на табличку; Даффил держал очки, как бинокль. Наконец, он сказал:

– Я ехал этим поездом в двадцать девятом году.

Реплика явно предполагала ответ, но, когда мне пришло в голову подобающее замечание («Судя по его состоянию, еще и тем же самым составом!»), Даффил, подхватив с земли свертки и перевязанный чемодан, пошел дальше. В 1929-м это был великолепный поезд. Излишне напоминать, что «Восточный экспресс» – самый знаменитый поезд на свете. Своим романтическим ореолом он отчасти обязан тому, что (как и «Транссибирский экспресс») связывает Европу с Азией. Но также его имя освящено благодаря великим литературным произведениям: это он вез леди Чаттерлей, когда она металась, не находя себе места; этим поездом ездили Эржюль Пуаро и Джеймс Бонд; Грэм Грин отправил «Восточным экспрессом» кучу своих изверившихся скитальцев еще раньше, чем прокатился на нем сам («Я не имел возможности поехать в Стамбул поездом. Все, что было в моих силах, – это купить пластинку с записью «Пасифик-231» Онеггера¹, – пишет Грин в предисловии к «Стамбульскому экспрессу».) Литературная основа этой романтики – роман «Мадонна спальных вагонов», написанный в 1925 году Морисом Декобра². Героиня, леди Диана («одна из тех женщин, при виде которых Джон Рёскин прослезился бы от восторга») влюблена в «Восточный экспресс» по уши: «У меня билет до Константинополя. Но, возможно, я сойду в Вене... или в Будапеште. Все решает лишь случай... или цвет глаз соседа по купе».

Мое купе представляло собой тесный чулан с двумя полками и лесенкой, на которую я все время наткался. Когда я забросил в купе чемодан, ступить там стало негде. Проводник показал мне, как закинуть чемодан под нижнюю полку. Уходить он не торопился – надеялся на чаевые.

«Со мной еще кто-то едет?» – спросил я. Дотоле мне

и в голову не приходило, что в купе я буду не один; путешественник, отправляющийся в дальние края, самонадеянно уверен в своей исключительности – разве можно себе представить, что до такой гениальной мысли еще кто-то додумался!

Проводник неопределенно пожал плечами. Видя такую уклончивость, чаевые я придержал. Я прошелся по коридору: японская пара – больше я так их ни разу и не видел; в соседнем купе – престарелые супруги-американцы; толстая французская мамаша, не дающая и шагу ступить своей прелестной дочке; девушка-бельгийка необычайных габаритов – чуть ли не семи футов ростом, в исполинских туфлях – и ее соседка, элегантная француженка; а также (дверь задвинули прежде, чем я успел всмотреться) то ли монахиня, то ли тучный некромант. В дальнем конце вагона мужчина в водолазке, матросской шапке и монокле расставлял на подоконнике бутылки: три с вином, еще несколько с водой «Перье» и приземистый шкалик с джином – видно, далеко собрался.

Перед моим купе топтался Даффил. Он вконец запыхался: сказал, что еле разобрался, где его вагон – совсем забыл французский. Шумно вздохнув, он снял габардиновый плащ и повесил его, а заодно кепку на крючок по соседству с моей одеждой.

– Вот мое место, – сказал он, похлопав по верхней полке. Сложения он был субтильного, но я подметил: стоило Даффилу войти в купе, как стало вообще негде повернуться.

– Далеко едете? – бодрым голосом спросил я. Хотя ответ был известен мне наперед, услышав его, я содрогнулся. Верно, я намеревался изучить Даффила, но на безопасном расстоянии, а в купе рассчитывал хозяйничать один. Да уж, приятная новость! Даффил заметил, что я расстроен.

– Я у вас под ногами путаться не стану, – заверил он меня. Его свертки валялись на полу. – Дайте только все куда-нибудь пристроить.

Спустя полчаса я вернулся в купе. Лампа горела ярко, а Даффил спал на верхней полке; его лицо, запрокинутое к светильнику над головой, казалось мертвенно-серым; пижама была застегнута доверху. На лице выражалась пред-

смертная мука: черты застыли, голова моталась в такт с колыханием поезда. Я выключил свет и заполз на свою полку. Но веки не смыкались; простуда и алкоголь – да и просто переутомление – не давали уснуть. И тут я увидел нечто еще более зловещее: сияющий круг – люминесцентный циферблат часов Дафффила. Его рука свесилась с полки и от тряски раскачивалась взад-вперед. Мерцающий зеленый циферблат, точно маятник, летал перед моими глазами.

Потом круг куда-то делся. Я услышал, как Даффил слезает по лестнице, кряхтя на каждой ступеньке. Циферблат скользнул вбок, к раковине, зажегся свет. Отвернувшись к стене, я услышал звяканье: Даффил доставал из шкафчика под раковиной ночной горшок; тогда я принялся ждать, и наконец, спустя целую вечность, раздалось журчание. По мере наполнения сосуда тональность журчания менялась. Резкий всплеск, прозвучавший как печальный вздох; свет погас; лестница закрипела. Даффил в последний раз простонал, и я заснул.

Проснувшись утром, я не увидел в купе Дафффила. Не поднимаясь, пнул ногой оконную штору: она медленно поползла вверх, а потом вдруг взвилась, открыв взору лучезарный горный склон: мимо летели драматично освещенные – пятна света, полосы тени – Альпы. В свое первое утро в поезде я впервые за много дней увидел солнце; думаю, тут будет уместно сообщить, что оно продолжало сиять еще два месяца. Ясная погода сопровождала меня до самого юга Индии, и лишь там, спустя восемь недель, я снова увидел дождь – запоздалый мадрасский муссон.

В Вевэ я воскресил себя, приняв раствор антацида, а в Монтрё достаточно ожил, чтобы побриться. Даффил подospel как раз в срок, чтобы выразить восхищение моей электробритвой, работавшей от аккумулятора. Он сказал, что бреется опасной бритвой и в поездах всегда режет себя до крови. Указав на порез на шее, он представился и сказал, что проведет в Турции два месяца. Чему он их посвятит, однако, не уточнил. На ярком солнце он выглядел гораздо старше, чем на сером фоне вокзала Виктория. Я предположил, что ему не меньше семидесяти. Моложавым его никак

нельзя было назвать. Я никак не мог взять в толк, чем можно заниматься в Турции целых два месяца. Или Даффил сбежал из Англии с концами, попавшись, например, на расстрате?

Глядя на Альпы, он сказал:

– Говорят, если бы эти горы проектировались швейцарцами, они были бы, э-э-э, намного более плоскими.

Даффил взялся доедать остатки колбасы. Предложил немного и мне, но я сказал, что подожду до Италии – куплю чего-нибудь на остановке. Даффил взял ломтик колбасы и поднес ко рту, но, едва он откусил кусочек, мы въехали в туннель и стало совершенно темно.

– Попробуйте включить свет, – сказал он. – Не могу есть в темноте – вкуса не чувствую.

Я нащупал выключатель, пощелкал, но безуспешно.

– Наверно, электричество экономят, – сказал Даффил.

Во мраке его голос прозвучал совсем близко. Я передвинулся к окну и попытался рассмотреть стены туннеля, но не увидел ничего, кроме сплошной черноты. Перестук колес в темноте казался громче, да и поезд набирал скорость; движение и тьма вызвали у меня острую клаустрофобию. Резко обострилось обоняние: в нос ударили запахи купе, копченой колбасы, трикотажного белья Дафффила, заплевывелого хлеба. Минута шла за минутой, а туннель не кончался; уж не падаем ли мы в колодезь, в огромную промоину посреди Альп, которая приведет нас в подземную часть Швейцарии, где размещен ее потайной заводной механизм: ледяные колесики и храповики, обледенелые кукушки.

Даффил сказал:

– Должно быть, Симплон.

– Что ж они свет не включают... – пробурчал я.

И услышал, как Даффил заворачивает недоеденную колбасу в бумагу и заталкивает сверток в угол.

– Что вы планируете делать в Турции? – спросил я.

– Я? – переспросил Даффил, точно купе было битком набито стариками, едущими в Турцию, и каждый ожидал очереди объявить цель своего визита. Помолчав, он проговорил: – Немного побуду в Стамбуле. Потом по стране поезжу.

– По делам или для развлечения? – я умирал от любопытства; в этой тьме, уподоблявшей купе исповедальне, мне было не так совестно донимать его вопросами – он же не видит, как я взволнован. Впрочем, я-то ощущал в его интонациях нервную уклончивость.

– Всего понемножку, – сказал он.

Толку от этой информации было немного. Я ждал продолжения, но он умолк. Тогда я сам спросил:

– А чем вы, собственно, занимаетесь, мистер Даффил?

– Я? – снова переспросил он, но прежде чем я успел ему ответить с сарказмом, на который он напрашивался, поезд выехал из туннеля, в купе хлынул солнечный свет, и Даффил проговорил:

– Наверно, уже Италия.

И надел свою твидовую кепку. Видя, что я ее рассматриваю, он сообщил:

– Я ее много лет ношу. Одиннадцать лет. Когда надо, просто отдаю в химчистку. Купил в Барроу-на-Хамбере.

Тут он достал свой сверток с колбасой и вернулся к трапезе, прерванной из-за Симплонского туннеля.

В девять тридцать пять мы остановились на итальянской станции Домодоссоло. Мужчина с тяжело нагруженной тележкой торговал едой и разливал кофе из кувшина. В ассортименте были фрукты, хлеб, булочки, колбаса нескольких сортов и наборы для ленча, содержавшие, по его словам, *tante belle cose*³. Вино тоже имелось. Один англичанин (он нам представился как Молсуорт), купил бутылку «Бардолино» и («так, на всякий случай») три «Кьянти». Я купил по одной «Орвьето» и «Кьянти», а Даффил взялся было за бутылку кларета.

– Пойду отнесу в купе, – сказал Молсуорт. – Возьмите мне набор для ленча, хорошо?

Я купил два набора для ленча и несколько яблок.

Даффил сказал:

– Английские деньги. У меня деньги только английские.

Итальянец выхватил из его руки фунтовую кушурку и дал сдачу лирами.

Тут опять подошел Молсуорт и сказал:

– Яблоки обязательно надо мыть. Здесь холера.

Снова окинув взглядом тележку, он заметил: – Возьму-ка лучше два набора для ленча. Мало ли что.

Меж тем как Молсуорт покупал еще еды и вторую бутылку «Бардолино», Даффил заявил:

– Я ехал этим поездом в двадцать девятом году.

– Тогда на нем стоило ездить, – откликнулся Молсуорт. – Да, в прежние времена это был всем поездом поезд.

– Сколько мы здесь будем стоять? – спросил я.

Никто не знал. Молсуорт крикнул станционному жандарму:

– Послушайте, Джордж, мы скоро поедим?

Тот пожал плечами, и в эту самую секунду поезд, дернувшись, пополз назад.

– Может быть, пора садиться? – спросил я.

– В обратную сторону катится, – сказал Молсуорт. – Наверно, на другой путь переводят.

– *Andiamo*⁴, – сказал жандарм.

– Итальянцам нравится рядиться в форму, – проговорил Молсуорт. – Поглядите-ка на него. Но форма у них всегда кошмарная. Верно говорят, нация школьников-переростков. Вы это нам, Джордж?

– По-моему, он хочет сказать, чтобы мы садились, – сказал я. Поезд перестал ехать задним ходом. Я мигом вскочил в тамбур и оглянулся. Молсуорт с Даффилем топтались на перроне.

– У вас пакеты, – говорил Даффил. – Идите первым.

– Ничего-ничего, – отвечал Молсуорт. – Лезьте вы.

– Но у вас пакеты, – повторил Даффил, достал из кармана плаща трубку и начал посасывать мундштук. – Идите, – он посторонился, уступая дорогу Молсуорту.

– Вы уверены? – спросил Молсуорт.

Даффил сказал:

– Тогда – в двадцать девятом – я не доехал до конечной. Только после второй войны удалось... м-да, – он снова засунул трубку в рот и улыбнулся.

Молсуорт поставил ногу на нижнюю ступеньку подножки и начал подниматься – медленно, ведь он нес бутылку вина и второй пакет с ленчем. Даффил ухватился за

поручень, но тут поезд тронулся, и он разжал руки. Просто опустил их по швам. Двое железнодорожников, подскочив к нему, подхватили его под руки и повлекли по платформе к подножке нашего девяносто девятого вагона. Даффил задергался, выскальзывая из объятий итальянцев, и отшатнулся; полуобернувшись к поезду, он криво улыбнулся ускользящей двери. Со стороны он казался столетним стариком – никак не моложе. Поезд, разгоняясь, промчался мимо.

Больше я мистера Даффилла не видел. Когда мы покупали еду на платформе в Милане, Молсуорт сказал:

– Пойдемте в вагон. А то здесь у них и даффилировать недолго.

Чемодан и свертки соседа я оставил у дежурного по вокзалу в Венеции, приложив к ним записку, и часто гадал, воссоединился ли с ними хозяин, добрался ли до Стамбула.

О себе мистер Даффил рассказал немного, но в том числе упомянул, что живет в графстве Линколншир, в Барроуна-Хамбере.

Деревушка оказалась крохотная: церковь, неширокая главная улица, усадебный дом да несколько магазинов. Атмосфера монотонной сельской жизни, однообразная, как гудение шмеля, медлительно перелетающего с цветка на цветок. Сюда никто никогда не приезжает; люди только уезжают и не возвращаются.

На улице мне попался человек.

– Извините, вы случайно не знаете мистера Даффилла?

– А вон – магазин на углу, – кивнул он.

Вывеска гласила: «СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ ДАФФИЛА». Но дверь была заперта. В витрине белела картонка с надписью: «Уехал на отдых».

– Проклятье, – сказал я вслух.

Мимо шла дама. Увидев, что я расстроен, она поинтересовалась, не нужно ли мне показать дорогу. Я сказал, что ищу мистера Даффилла.

– Он будет только через неделю, – ответила она.

– Куда он теперь уехал? – спросил я. – Надеюсь, не в Стамбул?

– Вам нужен... Ричард Даффил? – спросила она.

– Да, – подтвердил я.

Она закрыла лицо рукой, и, прежде чем она заговорила, я догадался, что его нет в живых.

– Его звали Ричард Катберт Даффил. Он был чрезвычайно неординарный человек, – рассказала миссис Даффил, жена его брата Джека. Жила она в Глиндборне, в коттедже прямо за погостом. Она не спросила, кто я такой. Ей показалось совершенно естественным, что кто-то наводит справки о жизни этого странного человека, умершего двумя годами раньше в возрасте семидесяти девяти лет. Он был ровесник века – когда он отстал от «Восточного экспресса» в Домодоссоле, ему было семьдесят три. Миссис Даффил спросила:

– Вы знаете, какую увлекательную жизнь он прожил?

– Я о нем вообще ничего не знаю, – ответил я, ничуть не лукавя. Тогда я знал только его имя и местожительство.

– Он из Барроу – тут и родился, в флигеле Холла. Холл – это такая усадьба была. Отец Ричарда работал садовником, а мать горничной. Это же было в старые времена, когда еще держали прислугу. Мистер Апплеби, хозяин Холла, владел всей округой, ну, а Даффилы, конечно, были простые слуги, совсем небогатые...

Но Ричард Даффил был блестяще одарен. Закончив в одиннадцать лет местную начальную школу он, воодушевленный ее директором, продолжил образование в реальном училище в Гулле. У него оказались замечательные способности к математике, но и иностранные языки ему легко давались. Еще в Гулле, подростком он выучил французский, латынь, немецкий, русский и испанский. Но в двенадцать лет он потерял отца и замкнулся в себе. Мистер Апплеби принимал участие в судьбе мальчика, но тот предпочитал просто сидеть дома – читал, делал уроки, либо совершал долгие пешие прогулки в одиночестве.

На досуге он много купался. Плавал отлично, и однажды благодаря этому прославился. Как-то летом в 1917 году он пошел купаться с приятелями на карьер, прозванный «Кирпичные Ямы». Вдруг один из ребят, некто Хаусон, начал барахтаться, вскрикнул и исчез в мутной воде.

Даффил несколько раз нырял, пока не вытащил Хаусона на поверхность и не дотащил до берега. Спустя несколько дней в гульбской газете появилась заметка под названием «Отважный поступок юноши из Барроу».

Даффил был бойскаутом, и организация удостоила его награды – Серебряного креста за храбрость. Впервые в истории этот орден получил скаут из Линкольншира. Через несколько месяцев «Фонд Героев» Эндрю Карнеги вручил Даффилу серебряные часы «за благородство» и некую сумму – «пособие на дальнейшее образование и устройство в жизни».

В 1919 году он – совсем еще мальчик, свободно владеющий полудюжиной языков, – поступил на службу в аппарат Межсоюзнической комиссии Антанты по вопросам плебисцита и был командирован в город Алленштейн⁵, относившийся тогда к Восточной Пруссии. Нужно было разбираться с последствиями Первой мировой войны: решать судьбу военнопленных, обеспечивать работу Особого суда. В последующие несколько лет Даффил выполнял те же обязанности в Клагенфурте (Австрия) и Оппельне (он же Ополе – это город в Верхней Силезии, ныне входящей в состав Польши). Затем перебрался в Берлин, устроившись работать в знаменитую международную аудиторскую фирму «Прайс Уотерхаус». В Берлине Даффил провел десять лет, но в 1935-м неожиданно уволился и уехал – практически сбежал, как уверяли некоторые, – в Англию.

Он придерживался левых убеждений. Берлинские друзья подозревали, что он собирает информацию для британской разведки. («Нельзя было не чувствовать, что из него вышел бы идеальный агент», – сказал мне один из старых приятелей Даффила). Как бы то ни было, его внезапный отъезд расценили как бегство от германской контрразведки или штурмовиков. Но он благополучно вернулся на родину и даже сумел вывезти из Германии весь свой капитал («На редкость отчаянный и ловкий трюк, – сказал мне другой его приятель. – Состояние у него было немаленькое»).

По догадкам знакомых, после этого у него, возможно, случился нервный срыв. Целый год о Даффиле не было ни слуху, ни духу, но в 1936-м он вновь всплыл уже в качес-

тве главного бухгалтера одной американской киностудии. В рекомендательном письме, выданном ему через два года, упоминалось, что Даффил «досконально знает различные аспекты кинопроизводства». С 39-го по 45-й – опять лагуна, определенно связанная с войной, – но где, собственно, обретался Даффил? Этого мне никто не смог сказать. Его брат заметил: «Ричард никогда не говорил с нами ни о своей работе, ни о путешествиях по миру».

В конце 40-х он, по-видимому, вернулся в «Прайс Уотерхаус» и объездил всю Европу, побывал в Турции и Египте, вновь повидал Германию, посетил Швецию и Россию («лидеров этих стран он ценил чрезвычайно высоко»).

Уйдя на пенсию, он продолжал путешествовать. Женат никогда не был. Всю жизнь прожил один. Но любительские фотокарточки, которые он хранил, свидетельствуют, что одевался он с форсом: жилет, брюки-гольф, кашемировое пальто, фетровая шляпа, галстук с булавкой. Щеголям свойственно напяливать на себя много всего лишнего. Судя по фотографиям, Даффил этим тоже грешил; а на голове у него непременно красовалась шляпа.

Мне сказали, что он носил парик, похожий на вязаный половик и топорщившийся на затылке, потому что когда-то перенес трепанацию черепа. «Ему доводилось играть в теннис в Каире». Он ездил туристом в Восточную Европу – отдыхал на социалистический манер. Ненавидел Гитлера. По словам одного из его старых друзей, он был человек мистического склада: увлекся учением Гурджиева, сблизился с крупным специалистом по этой части Джоном Годолфином Беннетом. «Через некоторое время Ричард безумно заинтересовался дервишами, – рассказала мне вдова Беннета. – Вот зачем Даффил ехал в Стамбул, – пояснила она. – Чтобы возобновить знакомство с кружащимися дервишами!»

Но больше всего мне хотелось знать, что с ним случилось после того, как «Восточный экспресс» отошел от перрона в Домодоссоле.

– Он вышел из вагона на станции, – сказала миссис Даффил. – На какой, он мне не говорил. Багаж оставил в

купе. А поезд вдруг отправился. Он спросил, когда будет следующий. Сказали, в пять. Он подумал: «Ничего, всего-то несколько часов». Но он неправильно понял: думал, речь идет о пяти часах вечера, а они имели в виду пять утра – завтрашний день. Он всю ночь промучался, а на следующий день доехал... какой это был город? Венеция? – Значит, доехал до Венеции, забрал багаж (свертки, которые я препоручил контроллеру⁶) и в конце концов оказался в Стамбуле.

Значит, все-таки доехал!

Я рассказал миссис Даффил, кто я и как познакомился с мистером Даффиллом.

– О, я же читала вашу книгу! – воскликнула она. – У наших соседей сын – такой книголюб! Он нам про нее и рассказал. Говорит: «Посмотрите обязательно – по-моему, это о нашем мистере Даффиле». Ее в Барроу все прочитали.

Мне не терпелось выяснить, читал ли книгу сам мистер Даффил.

– Я хотела ее ему показать, – сказала миссис Даффил. – Специально приберегла один экземпляр. Но когда он нас навестил, ему нездоровилось. До книги руки не дошли. А когда он в следующий раз приехал, я про нее просто забыла. А это был, в сущности, последний раз. С ним случился удар, и он больше уже не оправился. Постепенно угас. И умер. В-общем, так он книги и не видал...

«И слава Богу!» – подумал я.

Каким интересным человеком был незнакомец, с которым я делил купе! В вагоне «Восточного экспресса» он показался мне болезненным, дряхлым, странноватым типом, не чуждым паранойи. «Типичный англичанин», – подумалось мне. Но теперь я узнал, насколько он выделялся из толпы: он был храбр, великодушен, замкнут, находчив, блестяще одарен, одинок. Он спал и храпел на верхней полке моего купе, – этим и ограничилось все наше знакомство. Но теперь, узнавая о нем все больше, я все сильнее по нему тосковал. Общаться с ним лично – о, это была бы великая честь, но даже если бы мы сдружились, он никогда бы не подтвердил того, что я обоснованно заподозрил, – не признался бы, что почти наверняка работал на разведку.